

то ни было». «Во всяком случае, — заключает Мещерский, — по этой и по другим причинам кончаю издание „Гражданина“».⁶

Как видим, и в этом источнике болезнь Мещерского — не единственная причина для прекращения издания. Некоторыми намеками Мещерский дает также понять наследнику (когда-то отказавшемуся субсидировать «Гражданин»), что «другие причины» — это безденежье.

Как уже говорилось, 16 апреля, после двухнедельного перерыва, «Гражданин» все-таки вышел и издание было продолжено. Можно предполагать, что Мещерскому удалось найти нужные средства. Очевидно, для этой именно цели он в начале апреля отправился в Москву — о чем сообщает в письме наследнику, и факт этот подтверждает Победоносцев в указанном выше письме — к богатым «меденатам» «Гражданина» (см. примеч. 5).

Материальные затруднения долго еще создавали напряженную, нервную обстановку в редакции, о чем свидетельствуют письма Достоевского лета 1873 г. и его дневник по журналу. Видимо, сославшись на болезнь и уехав на лето в деревню, князь переложил все заботы по изданию, в том числе и денежные, на плечи редактора. Достоевскому приходилось иногда закладывать личные вещи, чтобы вовремя расплатиться с авторами и сотрудниками. Безответственность и легкомыслие князя-издателя, с одной стороны, и раздражительное беспокойство Достоевского за свою репутацию — вот те условия, которые, при «каторжной» редакторской работе, в отрыве от семьи, сделали лето 1873 г. для Достоевского «неспособным».

Г. В. СТЕПАНОВА

ОБРАЗ «ЧЕЛОВЕКА СО СКЛАДКОЙ» У ДОСТОЕВСКОГО

Характеризуя выражение лица и нравственную физиономию своих героев, Достоевский часто употреблял понятия «складка», «склад». Применение их в творчестве писателя носит многообразный характер. Так рассказчик в «Униженных и оскорбленных» (1861) говорит об Алле Андреевне: «Когда я появился, она приняла было меня с недовольной и холодной складкой в лице, едва щедла сквозь зубы и не показывала ни малейшего любопытства...» (3, 268. Здесь и ниже курсив наш. — Г. С.). Словом «складка» передано выражение лица героини, ее отношение к собеседнику.¹ В том же смысле, но в более развернутой характеристике, употреблено оно в описании внешности Алеппи: «Полные небольшие пунцовые губы его, превосходно обрисован-

⁶ ЦГАОР, ф. 677 (Александра III). I. 896, л. 115—116.

¹ В подобном же смысле употреблено оно и по отношению к героине «Кроткой» (1877): «И всё пуще и пуще *насмешливая складка*... а я усиливаю молчание, а я усиливаю молчание» (24, 15).

ные, почти всегда имели какую-то *серьезную складку*; тем неожиданнее и тем очаровательнее была вдруг появлявшаяся на них улыбка, до того наивная и простодушная, что вы сами, вслед за ним, в каком бы вы ни были настроении духа, ощущали немедленную потребность, в ответ ему, точно так же как и он улыбнуться...» (3, 201). Но сразу же Достоевский совершает переход от внешнего к более сложному описанию сущности человека: «Правда, и в нем было несколько дурных привычек хорошего тона: легкомыслие, самодовольство, вскливая дерзость» (3, 201). Здесь уже вырисовывается определенный нравственный склад Алеппи.

К понятиям «склад», «складка» особенно часто обращался Достоевский в романе «Подросток» (1875). Свообразно построена сцена рассказа Версилова о большой Лидии (падчерице Ахмаковой) и взятом им на воспитание ее ребенке. Версиров в момент рассказа поразил Аркадия: «Он искренно и правдиво посмотрел на меня, с беззаветною горячностью сердца» (13, 371). Подросток слушал, «утопая в восторге». Но далее он рассказывает: «И вот, помню, в лице его вдруг мелькнула его *обычная складка* — как бы грусти и насмешки вместе, столь мне знакомая» (13, 372). В черновом автографе первоначально было: «... вдруг мелькнула его *обычная улыбка грусти и раздражительной насмешки*» (17, 141). Как будто назревает какой-то поворот в состоянии Версилова. Поворот этот уже явственно ощущается Подростком после слов Версилова о «разрешении» его страстей и недоумений в «пять часов пополудни» (т. е. после получения письма от Ахмаковой): «Я слушал действительно с болезненным недоумением; сильно выступала *прежняя версировская складка*, которую я не желал бы встретить в тот вечер, после таких уже сказанных слов» (13, 372).

Еще ранее, во второй части романа, Аркадий так думает о Версирове во время их очередного разговора: «Впрочем, помню, в тот вечер он был особенно откровенен...» (13, 171). Но после, казалось, откровенных слов Версилова у Подростка возникает иное впечатление об отце: «Он говорил с грустью, и все-таки я не знал, искренно или нет. Была в нем всегда *какая-то складка*, которую он ни за что не хотел оставить» (13, 171). В этой его складке, подобно складке бумаги, материи, была скрытая часть (к примеру, под грустью — насмешка, под откровенностью — затаенная недоговоренность).

Складка у Версилова, которую так остро ощутил Подросток, — несомненно выражение свойственной ему двойственности. «Знаете, мне кажется, что я весь точно раздваиваюсь <...> Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь, — говорит Версиров в знаменитой сцене с иконой (часть третья, глава десятая). — Точно подле вас стоит ваш двойник...» (13, 408. См. также: 13, 410, 412, 446, 455).

В заключении романа Достоевский так завершает рассказ о Версирове: «Весь ум его, и *нравственный склад его* остались при нем, хотя всё, что было в нем идеального, еще сильнее

выступило вперед» (13, 446). Правственный склад Версипова не прост, сложен, его отличает искренность и скрытность, доброта и известная жестокость, горячность и рассудочность, расчетливость и непоследовательность. В его нравственный склад входят и черты «человека со складкой».

В «Подростке» есть и еще одна героиня, наделенная аналогичной характеристикой. Аркадий встречается с падчерицей князя Олимпиадой: «Я глядел на нее довольно пристально и ничего особенно не находил: не так высокого роста девица, полная и с чрезвычайно румяными щеками. Лицо, впрочем, довольно приятное, из нравящихся материалистам. Может быть выражение доброты, но со складкой. Особенной интеллигентной не могла блистать, но только в высшем смысле, потому что хитрость была видна по глазам» (13, 33).

Так Достоевский, опираясь на принятые в русском языке понятия «склад» и «складка», создаст новый образ «человека со складкой». Это словосочетание содержит определение свойств тому или иному герою нравственных качеств.²

К началу 1875 г. относится размовка Достоевского с А. П. Майковым и П. Н. Страховым, которые были возмущены тем, что писатель отдал роман «Подросток» Н. А. Некрасову в «Отечественные записки» (см. об этом: 29₂, 195). Отметим также, что в феврале писатель усиленно работает над романом, над его второй частью (первая часть была выслана им Некрасову в декабре 1874 г.). 6 февраля 1875 г. Достоевский пишет А. Г. Достоевской: «Он же (Майков. — Г. С.) встретил меня по-видимому радушно, но сейчас же увидел я, что *сильно со складкой*. Вышел и Страхов. Об романе моем ни слова и видимо не желая меня *огорчать*» (там же, 9. В слове «огорчать» — курсив Достоевского). 11 февраля он делится с женой впечатлениями о посещении Страхова: «... я еще вчера вечером его (Майкова. — Г. С.) видел у Страхова. Было очень дружелюбно, но не нравятся они мне оба, а пуще не нравится и сам Страхов, *они оба со складкой*» (там же, 15—16). На следующий день, 12 февраля, Достоевский сообщил о своем визите (11 февраля) к Майкову: «Майков, Анна Ивановна и все были очень милы, но зато Страхов был почему-то очень со мной *со складкой*. Да и Майков, когда стал расспрашивать о Некрасове, и когда я рассказал комплименты мне Некрасова — сделал грустный вид, а Страхов так совсем холодный. Нет, Аня, это скверный семинарист и больше ничего; он уже раз оставлял меня в жизни, именно с падением „Эпохи“, и прибежал только после успеха „Преступления и наказания“. Майков несравненно лучше, он подсадует, да и опять сблизится...» (там же, 16—17). Майков и Страхов, выражая в какой-то мере Достоевскому свое недовольство им, в полном

² В толковых словарях, а также в картотеке Большого академического словаря в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР зафиксирован этот образ только у Достоевского.

же объеме таили его в глубоко скрытых частях «складок» своей природы.

Так образ «человека со складкой» постепенно формировался у Достоевского в 1874—1875 гг. в романе «Подросток», а также в письмах, связанных с этим произведением.

Известно, что И. А. Бунину Достоевский был во многом чужд. Но когда в споре о Достоевском кто-то сказал, что он вынужден был писать торопливо, не имея возможности отделять свои произведения, Бунин с этим категорически не согласился: «А я утверждаю, что он иначе и не мог писать, и в свою меру отделял так, что дальше уже нельзя... Вслушайтесь в то, что я говорю: все у него так закончено и отделано, что из этого кружева ни одного завитка не распрячешь... Иначе он и не мог писать...»³ Рассмотренная нами работа Достоевского над словами «склад», «складка», создание им в этом процессе нового образа «человека со складкой» подтверждает высказанное Буниным.

А. В. АРХИНОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»
В 1876 г.

В XVII томе Полного собрания сочинений Достоевского нами был опубликован замысел незавершенного художественного произведения под названием «В повесть Некрасову» (17, 10—11). Это разрозненные заметки, обнаруженные в разных местах записной тетради 1876—1877 гг. и снабженные пометами: «В повесть Некрасову», «Некрасову». Тогда же в примечаниях было высказано соображение, что «после окончания „Подростка“, в конце 1876—начале 1877 г., Достоевский предполагал написать новую повесть для некрасовских „Отечественных записок“ и таким образом продолжить свое сотрудничество в этом демократическом органе» (17, 440).

Ряд материалов подтверждает эти соображения. В архиве А. Г. Достоевской, в одной из записных тетрадей, которые она вела на протяжении многих лет и в которые вносила, в основном, все, что касалось ее денежных расчетов, связанных с издательской деятельностью и книжной торговлей, вписаны копии двух денежных документов. Один из этих документов — письмо Достоевскому от 12 июня 1876 г. из конторы «Отечественных записок»:

«Милостивый государь Федор Михайлович

Главная контора „Отечественных записок“ по приказанию Николая Алексеевича Некрасова честь имеет препроводить

³ Лит. наследство. М., 1973, т. 84, кн. 2, с. 275 (запись Г. Н. Кузнецовой от 18 декабря 1930 г. в ее «Грасском дневнике»).